

Наталья Лигачева, глава общественной организации «Детектор медиа» (до 2016 г. «Телекритика»)

Разговариваем в офисе ОО «Детектор медиа» с ее главой Натальей Лигачевой, разговор ведет Роман Кабачий.

СЕМЬЯ И ФОРМИРОВАНИЕ

Какие основные этапы в жизни Вы бы выделили? Кто Вас сформировал?

Мне 54 года, и меня формировала не только история независимой Украины, - определенная часть моей жизни прошла в советское время и в общем-то основным человеком, который во мне заложил какое-то сознание действительности, была моя мама. Ее уклад жизни это было жесткое неприятие сталинизма, хотя тогда у нее было такое романтическое восприятие Ленина: «Ленин был хороший, Сталин был плохой». По поводу последнего то ее восприятие сформировалось под влиянием одной родственницы, которая была членом партии, и когда был доклад Хрущева на XX съезде, и члены партии были ознакомлены с ним, а остальные нет. Маме ее тетка все тогда более-менее рассказала. Во-вторых, у нас, Слава Богу, не было в семье репрессированных, но мама сталкивалась с теми, кто был репрессирован. Она помнит, как друзьям приходили и забирали мужчин, у нее на глазах. То есть, у меня было сформировано, во всяком случае неприятие Сталина, а потом может какие-то книги, может «толстые» журналы. Когда мне было 16 лет, это был где-то 1978-1979 год, я писала повесть «Лишние», я ощущала, что что-то в Советском Союзе идет не так, и что та интеллектуальная элита, которая формируется, она входит в противоречие к тем ценностям, которые должны бы были быть. Я пыталась еще в детстве слушать «голоса», будучи еще в школе.

А где Вы выросли?

В Никополе. Я родилась во Владивостоке, но я украинка, просто мама 10 лет там жила. Когда мне было 3 года, мы переехали назад в Никополь.

Я читала «между строк». Помню книгу Ильи Эренбурга. Помню определенные вещи-детали по книгам и журналам. Мне таким образом показывали, что что-то не так в нашей советской системе. Увлекалась тоже философией, с возраста около 12 лет. И тоже благодаря этому формировалось критическое восприятие. Читала также работы Ленина, и уже к первому курсу я знала и понимала, что у Ленина те ограничения свободы слова, которые были, они снялись только «временно» как-бы. И на I курсе университета я написала работу, в которой было, что сам Ленин написал, что свобода слова – это ценность демократического общества и что те ограничения, которые вводились, они были вызваны необходимостью, как контрреволюция, но на самом же деле теперь уже все спокойно и надо это все возвращать.

Можно даже сказать, сто Вы в этом перекликались с «Інтернаціоналізмом чи русифікацією» Івана Дзюбы [обращение диссидента Івана Дзюбы к советским властям

по поводу «ленинской политики», которая не должна бы была, как в позднем СССР, привести к уничтожению локальных языков]...

Да-да, с Дзюбой да. Но после этого начались некоторые проблемы в университете, а училась я на журфаке Киевского университета. Меня поддержало несколько преподавателей, и обошлось. Со мной «беседовали». Не вызывали, правда, саму **[на разбирательство]**, - не пустили на поездку в Чехию: была практика обмена студентами, 7 человек туда, и от них к нам. И меня (хотя я была староста курса), и еще одного человека не пустили. Мы пошли в отдел КГБ, нам сказали «к вам претензий нет». И теперь я понимаю, почему меня не пустили, это было связано не столько с моими взглядами, до IV курса я была уже на хорошем счету, там было другое: преподаватели во время этой поездки одного обвинили в гомосексуализме, а поскольку я прямой человек, то они могли опасаться, что я не пойду на манипуляции.

Но когда у нас после I курса был стройотряд, и несколько человек, с которыми я дружила, они тоже имели неприязнь к сталинизму и Сталину, мы столкнулись с тем, что некоторые наши однокурсники по-другому относятся, и для нас это было странно. Шок, потому что для меня это была аксиома, я считала, что Ленин это все ок, хотя конечно многого тоже не знала...

Во время поступления еще на первом курсе я вливалась в какие-то кружки, можно сказать, даже диссидентские, оттуда тоже что-то узнавала, знала, но в какой-то момент меня это испугало. Я поняла, что я попадаю сейчас в круговорот людей, которые ходят на грани посадки в тюрьму, я не захотела этого. Я об этом честно говорю – испугалась, отсекала от себя общение с ними, но во всяком случае, они были где-то здесь.

У меня в школе было несколько учителей, которые формировали определенное критическое мышление, с литературой той же и т.д.

И несомненно, большое значение для меня имел 1991 год, - ситуация в Москве, августовский переворот. До этого момента я не была сторонником независимости Украины, - я очень приняла демократизацию, перестройку Горбачева. Важным для меня было демократическое развитие. Я не поддерживала «национально-визвольний рух», это было для меня очень далеко. Но когда произошел путч, и в его итоге Украина объявила о своей независимости, то я всячески это приветствовала, потому что поняла, что нам не по пути. После этого, что на меня оказало большое влияние, я стала ярким поборником независимости.

Имело в Вашем воспитании значение отношение к церкви? Или она не «существовала» как таковая?

Церковь? У меня была очень набожная прабабушка, Ирина Алексеевна, и дедушка. Фактор церкви существовал. Они меня покрестили, потому как мама меня во Владивостоке не крестила, а когда мы приехали сюда, в года 4-5 меня тайно покрестили, тогда же это все не приветствовалось. Я тогда не воспринимала этого, хоть и бабушка была такая набожная, в доме были религиозные книги и весь дом был в иконах (а мы у нее жили), но в принципе, я была

атеисткой. Это было «бабушкино», которое я уважала, но спорила, будучи пионеркой или в комсомоле. Только в зрелом возрасте нечто изменилось, - сейчас я агностик, я уверена в том, что что-то есть божественное. Я хожу в церковь, крестили меня, естественно, в православной, но сейчас я иногда хожу к греко-католикам. Но не могу считать себя истовой верующей, исповедовалась пару раз...

Наверное, невозможно вырасти в советское время и быть верующим так, как были наши бабушки?

Судьбы складывались по-разному, были верующие и в то время, у меня по крайней мере никогда не было противостояния.

Никополь это промышленный город, Вы оттуда выехали «с облегчением», или свою малую родину любите?

Нет, я не очень люблю свою малую родину. У меня там родные, там прошло мое детство, и оно у меня связано со многими ностальгическими воспоминаниями, но у меня рано сформировалось понимание, что я хочу жить в другом масштабе. Когда был выбор между поступлением в Москву и Киев, а это еще в 1970-е был глубокий единый СССР, то я не захотела в Москву, потому что посчитала, что это уже слишком далеко и масштабно. Москва очень большой город, а я не хотела жить в маленьком, и Киев оказался как-бы «посредине».

Никополь промышленный город, но как любой провинциальный город, серо. Я бывала еще в школьные годы в Киеве и других городах, и я поняла, что хочу жить в другой атмосфере.

*****

РЕВОЛЮЦИЯ НА ГРАНИТЕ

Вы избрали Киев – как вы относились в Революции на Граните?

Не была никоим образом причастна. Я тогда работала на телевидении (УТ1 – Гостелерадио), в киноредакции, делали программу «Все о кино». Я позитивно все это воспринимала, была на первых собраниях Руха, когда он только зарождался в 1988 году, когда в первых проявлениях начали говорить о [Васыле] Стусе, начали программы делать об этом, с [Вячеславом] Брюховецким тем же... Я этому как бы внимала, но это не было мне близким, - как говорю, до 1991 года я не была сторонником национального движения. Я видела демократизацию в личности Горбачева, смотрела «Взгляд» [политическая телепрограмма Владислава Листьева в Москве, убит в 1995 году] и была настроена на ту волну.

Zmiany ustrojowe?

Да.

А были ли Вы знакомы с теми студентами, которые протестовали на площади Октябрьской Революции?

Тогда нет. Позже познакомилась с Володей Чемерисом, но после. Это был совершенно другой круг людей, с ними я не была связана.

Можно ли назвать Вас человеком русской культуры, по примеру белорусской писательницы Светланы Алексиевич?

В принципе, да. Я воспитывалась на русской литературе, много читала и западных авторов, особенно после лет 12-ти, - то что было доступно: и Макс Фриш, Гессе... Но изначально, все-таки, я воспитывалась на русской литературе. Украинская литература... Леся Украинка да, а Марко Вовчок и Иван Франко – это точно не моя литература. Хвильевого мы тогда еще не знали, познакомилась немножко в университете, но все равно, я не могу сказать, что я большой поклонник той украинской литературы, а не современной. Когда появились Андрухович, Забужко, Жадан, - я это все читаю, моя дочь читает. Лина Костенко еще с советского времени была каким-то божеством, помню хорошо, когда читали ее «Марусю Чурай» – Костенко для меня стала довольно рано таким идеалом. Плюс, познакомилась с ее мужем, уже когда работала на телевидении...

Не потому «идеал», что ее не печатали?

Этот флер тоже был значим, но, в принципе, она гениальная поэтесса, и я прежде всего ценила то, что она пишет.

Вы вспоминали, что ходили на первые съезды Руха. Не казались Вам некоторые «руховцы» узколобыми националистами?

В силу того, что я работала на телевидении в такой интеллектуально сильной редакции кинопрограмм, то по своей работе начала общаться с [культурологом Вадимом] Скуратовским [...], с Дзюбой, с Брюховецким. Со Скуратовским меня жизнь свела вообще раньше, - когда я была на III курсе, его жена Ирина Панченко преподавала у нас русскую литературу, я ей понравилась, и она мне предложила написать курсовую работу «Протопоп Аввакум и Маяковский», такая довольно неожиданная тема. Я ее написала, вместе с тем заняла второе место на республиканской олимпиаде, и в определенный момент я познакомилась с самим Скуратовским. А поскольку с I курса и так мне был свойственен этот крен в диссидентство в советское время, то для меня это было очень интересно – у меня не было неприятия Руха, никогда. Просто мне это было не близко. Меня волновали демократические процессы, но не национально-освободительные. Я к ним относилась позитивно в силу того, что они были против советской системы, но мне тогда казалось, что перестроечная магистраль важнее, чем касающаяся именно Украины.

Одно из требований протестующих на Граните было то, чтобы наши парни служили на территории Украины...

Я это поддерживала, как и отставку Масола. Мы ходили на Майдан, давали им продукты. Но для меня это было «где-то кто-то», а я хоть и принимаю, в этом не участвую.

Ок, после того как Украина провозгласила независимость, пришло ощущение, что с ней должна родиться и новая украинская журналистика?

Так совпало, что в 1991 году, в августе, когда произошел путч и огласили независимость, через месяц я родила дочку Катю. Поэтому их активного процесса я выпала, сидела с ребенком. Но с 1992 года, когда и с деньгами было очень плохо, я начала работать сразу внештатным автором первой независимой киевской газеты «Киевские ведомости». Так что в принципе, я одна из тех, кто создавал эту независимую журналистику. В политические процессы я не была тогда вовлечена – занималась кино, культурой. Я не была политизированной – читала это все, на слуху и популярной тогда была «вечерка» – «Вечірній Київ», у меня там подружки работали, Ившина в «Прапорі комунізму», потом перешла тоже в «Киевские ведомости». Но к политике близка не была, это была другая часть жизни.

Что было проще организовать – запустить новые проекты как те же «Ведомости», или перезагрузить существующие? Тот же УТ-1 реформируется до сих пор... Газета «КоЗа» («Независимость») тоже пыталась переродиться из «Комсомольского знамени», но не вышло.

Частные новые издания были лучше. Перерождение делалось кадрами той советской эпохи, плюс у них в чем-то начался крен в национальное самосознание, и к чему оно приводило? Взять «Рабочую газету», она по сути своей совковое издание, и «КоЗа» в конце концов стала совковой, и «Вечірній Київ».

Все-таки, огромное значение, как бы не относиться в [Сергею] Кичигину [**главред «Киевских ведомостей» в 1993-1996 гг.**] и всему, огромное значение имели три, или даже четыре такие столпа: сразу «Киевские ведомости», потом [Александр] Швеец отделился и создал «Всеукраинские ведомости», потом появилось «Зеркало недели» («Дзеркало тижня»), и наконец «День». Вот эти издания, я считаю, заложили основы новой украинской журналистики. Вне зависимости от того, во что они потом превратились.

Было ли ощущение свободы слова в 1990-е?

Да. Да, да. Это было даже не в 1990-х, даже уже в конце 1980-х, свобода слова это было то, что очень ценилось и огромное значение имело то, что после прихода Горбачева открылись все эти архивы, появились «толстые журналы», мы начали читать Солженицына, такой взрыв информации! Но фактически говоря, кроме этого мы ничего от «перестройки» и не ощутили. Многие создавали кооперативы и тому подобное, но поскольку я была от этого абсолютно

далека, то для меня перестройка выражалась именно в том, что появилось очень много информации благодаря свободе слова. Я это ценила. У меня был один смешной момент, - когда я была беременной на последних месяцах, я поехала в Никополь к маме. Меня положили на сохранение, я лежу в роддоме, и вдруг этот путч. И я в этом роддоме слышу про все это, а ко мне приходят проведывать, заходить на второй этаж нельзя было, то одноклассницы мне – ну как ты, как здоровье? А я: ну какое к черту здоровье, если тут такое творится, я так надеялась, что все будет хорошо, что мы наконец-то путем демократии пойдем, а тут страх и ужас! У меня понятие о демократическом выражалось именно в доступе к информации, свободе слова.

А можно назвать «разгулом свободы слова» начало 1990-х?

Тогда да. Потому что были СМИ, которые я называла, или даже «КоЗа» или «Вечерка», когда они еще не были под властью большого капитала и многое решали именно редакции и редакторы. Мы на телевидении тоже это почувствовали, когда ушло жесткое партийное давление, и работать было очень интересно. Я пришла на телевидение в 1984 году, работала в отделе социсследований, а в 1987 перешла в редакцию кинопрограмм, до 1991-го. На моих глазах расширялись зоны дозволенного, того что «можно». Оказалось, что я первая на телевидении после 10 лет почти там пригласила – оказывается не допускали на ТВ [режиссера] Романа Балаяна, о чем я не знала – и тут выходит его какой-то фильм и я решила, что могу взять у него интервью. Я никого не спрашивая позвонила, он согласился. Ну и выплывает, что многие старшие коллеги хотели сделать с ним интервью, но не уловили момент, когда уже стало «можно». И получился целый скандал, кто это такая, как так вышло...

Как тогда произошло, что начался откат назад, это связано с Кучмой как таковым, олигархатом?

С [премьерства Павла] Лазаренко. В 1996 году, когда Лазаренко приехал в Киев, появились впервые «заказняки», давление власти на средства массовой информации. Но и потом, когда Лазаренко начали убирать, давить на его «Правду Украины», и пошло по накату.

То есть тогда политики наконец поняли, что СМИ – это средство влияния?

Был прецедент 1994 года, когда во время избирательной кампании Кравчук попытался запретить [телеканал] Гравис, который был под Кучмой. Его гендиректором была моя однокурсница Оля Таукач. Но и Кравчук попытался его прикрыть, потому как канал его жестко критиковал. Но не получилось, было острое возмущение, но первая попытка была. Но уже такое осязаемое давление и заказные кампании начались именно с переходом Лазаренко сюда.

Пытались закрыть какие-то СМИ, закрыть рот?

При Лазаренко конкретно не вспомню... Петра Шевченко из «Киевских ведомостей» убили позже... **[луганский корреспондент «Киевских ведомостей» 12.03.1997 года пропал, а 13.03 был найден повешенным. Павел Лазаренко был премьер-министром Украины с 28.05.1996 по 18.06.1997]**. Был известный иск Суркиса к «Всеукраинским ведомостям», которые закрыли – когда оттуда уже ушел Рубан, но это было уже в 1998-м. И были гонения на лазаренковскую «Правду Украины», при позднем Кучме. Прессовали «День», там сидели постоянно налоговики, можно ж было запрессовать так, что и закрыть, но так и не закрыли. Так или иначе всю избирательную кампанию 1998-1999 года мы провели на бурном подъеме оппозиционного издания. **Мы [Наталья Лигачева работала в газете «День» с 1996 по 2001 г., в последний год заместителем главного редактора Ларисы Ившиной]** себя не сдерживали, мне было вольготно и свободно работать, потому что писали, что хотели.

*****

ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Но так или иначе к 2004 году закрутили гайки почти всем...

Но, так. Появились в интернете свободные издания, как «Украинская правда», прежде всего. А практически всю прессу и телевидение подмяли.

Было ли ощущение безысходности?

В принципе, было. Нам было проще, потому как с 2001 года появилась «Телекритика» и мы работали в абсолютной свободе и так, как хотели, какого-то страха перед властью не было. Но летом 2004 года, я помню, такое ощущение общее появилось – мы не верили, что может быть Майдан и революция. Мы разоблачали манипуляции, боролись, первые мониторинги у нас появились в 2003 г., я написала жесткие статьи, как писала Валька Руденко, «Телекритика пылает революционным огнем», - так над нами издевалась. Была боязнь того, что победит Янукович и приходили мысли, не надо ли уезжать их страны, что будущего нет. Но так или иначе боролись, за «журналистскую революцию» ту же.

Расскажите об этом поподробнее. Основав «Телекритику», вы поняли, что нужна консолидация журналистов как таковая? Начали творить медиасообщество... Мало в какой постсоветской стране сейчас так много медиаорганизаций.

К «Телекритике» я пришла из-за того, что до 1999 г. в «Дне» мы писали свободно, но когда Марчук не вышел во второй тур выборов, он пошел на сотрудничество с Кучмой. Тогда оттуда сразу ушла Таня Коробова, еще несколько авторов тоже, я оставалась, принимая до какого-то момента идею Ившиной, что мы не прекращаем критиковать власть, но делаем это в менее жесткой форме, отстаивая теорию «малых дел». Потихоньку. Я не приняла того, что он договорился с Кучмой, я не ходила голосовать на второй тур, куда вышли Кучма и Симоненко, но приняла разворот газеты от жесткой критики к умеренной. Что касается телевидения, то я

долгое время тоже не ощущала стеснения, я писала то что думаю, может выражаясь в более мягкой форме. Но потом, когда в 2000-м году случилось убийство Гонгадзе и Пинчук на купленный тогда канал ICTV пригласил троицу – Дмитрия Куликова (теперь российский политехнолог), Николая Княжицкого и Дмитрия Киселева, опять же их Москвы, и они начали в своей программе всячески отбеливать Кучму, я об этом начала писать и впервые столкнулась с тем, что мои тексты не проходят Ившину. Для меня это был шок.

Мне до конца неизвестно, что двигало тогда Ившиной, но мне показалось, что они с Марчуком дружат с Дмитрием Киселевым. Я до конца не знаю, было ли это вызвано работой Марчука в СНБО или этой дружбой. Так или иначе, появилось ряд материалов, которые от меня не принимались. Несмотря даже на правки, которые я пыталась вносить. Меня это начало раздражать, и я парочку из них опубликовала на «Украинской правде» под прозрачным псевдонимом Таня Лапина. Одна из этих статей вышла 31 декабря 2000-го года. Ну и вызывает после их публикации меня Олег Иванцов, зам Ившиной по политике, (я была замом по социальной проблематике), и говорит, что Лариса Алексеевна просила передать, чтобы я так больше не делала. Как потом выяснилось, Лариса просила просто поговорить и ее не вспоминать. Но с Ившиной я вошла в конфликт. В «Дне» возникла напряженная ситуация, я решила оттуда уходить. Попыталась пойти в проект Юрчука от Юрия Кравченко **[министр МВД Украины в 1995-2001 гг., имел отношение к делу Гонгадзе]**, ездила к ним на собеседование. Это был краткосрочный проект, его довольно быстро прихлопнули, когда он вышел с большим портретом на первой странице самого Кравченко.

Разговор с ними мне не понравился, я осталась в «Дне», продолжала там писать телекритические колонки. И меня начали читать в разных посольствах, приглашать на встречи и разговоры – немцы, американцы. Я сильно подружилась с пресс-атташе посольства Германии Сабиной Штёр, она любила собирать журналистов, писателей, поэтов. Неплохо говорила по-русски, организовывала дома тусовочные приемы. В какой-то момент я ей сказала, что у меня есть желание уйти из «Дня», но не знаю, как это сделать и чем заниматься дальше, может журнал какой-то телекритический издавать... Она сказала: подумаю, через какое-то время говорит: у нас денег нет, о журнале речи не может быть потому что это дорого, но об интернете можно говорить с американцами. Она меня познакомила с Марком Таплиным, первым советником посла США. Он сходу говорит, могу вам выписать чек на 25 тыс. долларов, сделайте свой проект. Я была тогда очень далека от администрирования каких-либо проектов, что для меня это было невероятно. Контактировала в то время с Лавриком, Алазонией, Пиховшеком; первый проект мне помог написать Костя Михайличенко, который работал у Вячеслава Пиховшека. Проект был на страницу: половина – это описание, другая половина – бюджет.

Несколько месяцев у меня ушло на поиски, с кем я могу это делать, потому как я не совсем понимала, как можно создать самому ОО (NGO), боялась, что возникнет какая-то зависимость... В конце концов сами американцы нашли мне вариант с Интерньюз-Украина (NETWORK), я познакомилась с ними, наконец запустили «Телекритику». По начала там было 2-3 проекта от

Интеньюза, мы определенным образом продолжили начатое мной в «Дне», а конкретнее критика отдельных программ на ТВ, с другой не могли не замечать «Украины без Кучмы», цензуры, таких вот вещей. В 2002 году были протесты против темников Медведчука, которые появились, и мы были причастны к Манифесту против цензуры, к всякого рода собраниям, к созданию НМПУ (укр. Незалежна медіа профспілка України), а до этого к созданию Комиссии журналистской этики. Журналистская работа начала сочетаться их активной общественной деятельностью. Вместе с НМПУ и КМП (Киевский медиа профсоюз) участвовали в процессах переориентирования (Сергей Гузь возглавил НМПУ, а Егор Соболев КМП), Соболев начал прорабатывать журналистов, готовить «журналистскую революцию». Происходили слушания по цензуре, по свободе слова в парламенте, велась подготовка к тому, чтобы в законодательство вошла статья против цензуры.

Потом, когда бахнула Оранжевая революция, мы участвовали в движении за общественное вещание.

То есть, с одной стороны власть продолжала закручивать свободное дыхание, а вы ей говорите: мы не согласны? Можно поподробнее о «журналистской революции»?

С 2002 года начались протесты против темников **[указки для СМИ из Администрации Президента, как освещать то или иное событие, их появление связывали с главой АП Кучмы Виктором Медведчуком]**. Роман Скрыпин написал, что так нельзя, несколько человек ушло с мест работы – Андрей Шевченко ушел с Нового канала, Олесь Ковальчук з Тониса, это все поддерживалось оппозицией и лично Мыколой Томенко, который возглавлял комитет по свободе слова ВР. Определенные успехи были – мы внесли законодательство о запрете цензуры, были слушания в парламенте и темники зачитали с трибуны ВР. Но ситуация на телеканалах особо не поменялась, хотя под Манифестом было около 500 подписей. В 2003 г. Шевченко, Геняку Глибовицкому, Скрыпину и еще несколькими удалось уговорить Петра Порошенко создать 5 канал. А когда мы создавали в 2002-м КМП, его сначала возглавил Андрей Шевченко, который ушел с Нового, но и когда создался 5-й, он не мог быть главой профсоюза. Надо было найти ему замену. А во время этих всех дискуссий 2002-го проявил себя Сергей Гузь из Днепропетровска **[сейчас Каменское]**, он вошел тогда в оргкомитет по созданию КМП, я ему предложила стать главой – у киевлян были свои у всех дела, никто ничего не хотел бросать. Гузь согласился.

Летом 2004-го года возникло понимание, что Сергей не способен работать с киевлянами, не пользуется авторитетом, его никто не знал. Что он не может эффективно поработать с журналистами телеканалов, чтобы они активно выступили против цензуры. У Соболева же возникла ситуация, когда он ушел из «Українських новин», освободился и мог посвятить себя общественной работе. И тогда, не помню по чьей инициативе, в офисе КМП собралось несколько человек, – Гузь, Шевченко, Соболев, Глибовицкий, я, Черненко, который работал тогда в «Телекритике». Мы предлагали Сергею уйти с поста, начать работу по организации всеукраинской НМПУ. Он не сразу согласился, ушло на эту рокировку несколько часов. Потом

на съезде выбрали Егора Соболева, который благодаря этому начал вести активную работу с журналистами центральных телеканалов – собирались после работы в парке Шевченко. В принципе, он готовил эту революцию. Плюс тогда же прессовали 5 канал, журналисты там начали голодовать... - на этом фоне появилось заявление 40 журналистов с разных телеканалов, о том, что есть давление, что есть темники. Они вышли с этим на ступеньки УНИАН и об это заявили. К ним не присоединились в последний момент люди с «1+1», потому что они хотели еще более жесткого заявления. Свое. Но потом, когда они не присоединились к этим, с коллективом встретился зам Александра Роднянского [Владимир] Оселедчик, «плакал и рыдал», сказал, что его жизни угрожает опасность в случае, если они выступят с каким-то заявлением. В результате заявления от журналистов «1+1» не было вообще. Семеро с «плюсов» не согласились с этим и написали заявления об увольнении.

Пиховшек как тогда работал же тоже на «плюсах»?

Да. Мы с ним тогда уже не общались, с 2002 или 2003 года. Он был на стороне «зла», работал с Медведчуком и Суркисом. У нас тогда вышла статья под названием «Фонит», она имела довольно важное значение. Пиховшек делал еженедельную программу «Эпицентр», при чем тактика эсдеков и его лично была какая – сюжеты они делали более-менее вменяемые, редко когда нарушали журналистские стандарты, а потом уже Пиховшек в своих подводках и отводках переворачивал все с ног на голову. В новостях они не показывали Ющенко вообще больше ста дней. Некоторых журналистов просто подкупали конвертами, и не было такого как на ИНТЕРе, что за позицию увольняли – ты не хочешь такого делать, не делай, не хочешь это снимать – не снимай, не хочешь озвучивать – не озвучивай. Но это делали другие люди, находились. [Вахтанг] Кипиани писал о темниках и продолжал работать на «плюсах». Тем более Кучма был под давлением смерти Гонгадзе и людей за позицию не увольняли. Они контролировали все, но конкретных журналистов не прессовали. За счет этого они держались. Многое делал сам Пиховшек, он говорил, «я выгребал дерьмо», условно говоря. А журналисты – кто за деньги, а кто не делал вообще.

Так вот, семеро не согласилось с такой политикой и уволились: Наталка Фицыч, Юлия Бориско, и другие, у нас потом с ними со всеми вышли интервью. «Журналистская революция» произошла за месяц до начала Оранжевой, 22 октября. За месяц до второго тура выборов. И конечно после этого все завертелось-закрутилось. Те, кто подписал заявление, обязались в своих сюжетах придерживаться стандартов. «Телекритика» мониторила, как это происходило. Мы обличали ИНТЕР, который ополчился против Алексея Мустафина, у него там была своя программа. Поддерживали тех, кто хорошо делает. Но и в статье «Фонит» я написала о том, что мол журналисты делают хорошие сюжеты, но их все равно вставляют в манипулятивную программу Пиховшека, то они этой манипуляции способствуют, легитимизируют. Это первое. А второе, что вышла потом программа о Януковиче, где не было сказано о его судимостях, такая себе их цикла программ о кандидатах в президенты, причем о Ющенко вообще не делали. А делала программу Леся Сакада-Островская. Мы были в шоке, причем тогда уже Аня Герман

заявила о его судимостях [**«ошибки молодости»**], ну и решили звонить Лесе, вроде би считали нормальным человеком. Звонит ей Аня Шерман, и оказывается, Сакада рыдает: «Со мной не разговаривает моя семья!», что мол, «как ты могла». Ее Пиховшек каким-то образом уговорил на такую программу. Ну и мы опубликовали этот с ней разговор. Тут же продолжается голодовка на 5-м, я туда прихожу, рассказываю об этой ситуации с Лесей Сакадой... - мы жили в ситуации такого давления, заявлений, бурлений. Была же тоже хода по Крещатику против закрытия 5 канала. Было много таких, кто не верил, что можно что-то изменить, например, один из тех, кто уволился с «1+1» Игорь Скляревский. После ходы обсуждали в «Барабане» дальнейшие шаги.

Руконеподаваемость имеет свою роль, или таким как Пиховшек, все равно – он выгрел свое дерьмо, заработал деньги, а вы с этим живите?

Она имеет огромное значение. Но у нас это явление не прижилось, к сожалению. По поводу Пиховшека, то когда это все произошло, он сильно испугался и начал искать контактов со всеми нами, и я с ним недолгое время опять начала общаться. Он будто бы стал другой, нормальный и вменяемый. Новая власть его не приняла и в итоге он опять прибил к регионалам и его возвращение в среду стало невозможным.

Вам не казалось, что сам Ющенко не верит в победу, мало вкладывает сил в развитие близких к нему СМИ – как «Україна молода», «Без цензури», 5 канал благодаря Порошенко выстоял...

Я считаю в принципе, что президент не должен вмешиваться в СМИ. Думаю, что когда Ющенко пришел к власти, у них было головокружение от успехов, было огромное доверие и они считали, что «все схвачено». Ситуация была сложная, и у Ющенко, и у Тимошенко, у нее была попытка подмять под себя «Всеукраинские ведомости». Похоже на то, что они сделали ставку на то чтобы договариваться с олигархами и покупать свое присутствие на телеканалах. Эта логика в чем-то была объяснимая, потому что с того времени стало известно, что газеты не имеют того веса, а прежде всего телевизор. А ТВ – это огромные деньги, которые есть только у олигархов. Или нужно быть самим олигархом, как Порошенко, но он жадный и не такой большой олигарх, как условно говоря, Коломойский и Фирташ. У Ющенко как такового не было собственных огромных средств, он бедным человеком не был, но и очень богатым тоже. Он постоянно пребывал на чьем-то «содержании». Ошибка Ющенко было в том, что его убедили Порошенко и [Александр] Третьяков, и Ира Геращенко, как я понимаю, что не надо создавать общественное вещание, а что достаточно держать на контроле существующие. Не надо было им развивать «свои» СМИ, а надо было ломать систему, чтобы рождался нормальный плюрализм. А представить только, если бы с 2005 года государство нормально бы вложилось в развитие общественного вещания. Чтобы у общества был свой рупор. Тогда бы и западные доноры начали бы втягиваться, и этот вещатель смог бы составить конкуренцию олигархическим каналам, задавал бы другие правила игры. А вместо этого они контролировали 1-й канал и покупали время присутствия на частных. Тимошенко покупала и делает это до сих

пор, Ющенко когда при власти был, и бесплатно пускали. Янукович пришел к власти, то же самое, Порошенко – никто его на больших каналах не критикует.

*****

РЕВОЛЮЦИЯ ДОСТОИНСТВА

Одним из достижений Оранжевой революции называют именно утверждение свободы слова. Но когда при Януковиче началось опять давление на СМИ, действовал «олигархический плюрализм», что пошло не так, кроме отсутствия общественного ТВ?

Эта свобода слова довольно быстро превратилась в свободу коррупционных возможностей. В 2005 году к нам приехал работать Савик Шустер, на секундочку, благодаря Виктору Пинчуку. Но. Савик этот первый год был важен и нужен, открылись те шлюзы, которые были закрыты при Кучме. Мы начали говорить обо всем, о чем хотим, о политике, о своей позиции. А потом уже его шоу начало превращаться в собачьи бои, плюрализм там был очень большой, но плюрализм проплаченный. Там происходило олигархическое соревнование коррупционных возможностей: кто заплатил, тот попал на канал. В 2006-2009 гг. происходит расцвет «джинсы», целая система многоразового или одноразового попадания на эфиры, связей телеканалов с политиками. Перестали приглашать независимых экспертов, туда начали попадать эксперты либо за деньги, либо партийные штабы назначали. Свобода слова быстро выродилась в олигархическую вакханалию купленных эфиров. В 2005-м мы пережили начало 1990-х, узнали кто есть кто, такой себе виток. А потом увидели соревнование популистов, проплачиваемых олигархами.

То есть, можно ли сказать, что Революция Достоинства была тоже против этой фальши и пены в СМИ?

Эта Революция все же была обидкой на то, что сначала конфетку сближения с Евросоюзом дали, а потом забрали. И этот протест был как от общества, так и большинство олигархов хотело конфетку. Фирташ разве что не хотел. И Ахметов хотел с Западом нормальных отношений, не было же понимания, что Путин пойдет до конца. И Ахметов и Левочкин были готовы на ЕС, мы знаем, как они ломали «красных директоров» из Партии регионов которые туда не хотели! Они понимали, чем это для них чревато. До последнего момента и Янукович считал, что он идет в Евросоюз, а потом уже после поездки в Россию сам поменял жестко линию.

Как вы оцените роль журналистов во время Майдана и после него?

В отличие от 2004 г., когда журналистская революция произошла снизу, и она была предтечей большой революции, то в 2013-2014 гг. журналисты на Майдане – как Мустафа Найем, появлялись через личную инициативу. Многие из них были сотрудниками телеканалов, освещали его с эмоциональной поддержкой, как «плюсы» например, только потому, что и

Коломойский эту революцию поддерживал. Роли журналистов как самостоятельной силы в Революции Достоинства, в отличие от Оранжевой, не было. Им так себя вести – по крайней мере в телеэфире – разрешили собственники. Я не про то, что если бы собственники не разрешали, то и так бы многие выходили на Майдан, как простые участники. Но СМИ себя вели так или иначе, потому что так себе позиционировали в этих событиях собственники. Ничего в противовес собственникам журналисты не делали. Было известное собрание Коломойского с журналистами «плюсов», он их предупредил что могут быть репрессии, они сказали, что готовы, как было по-настоящему мы не знаем, но я могу подозревать, что если бы он не разрешил им показывать именно так, то с канала были бы увольнения. Я уверена, что если Ткаченко сказать себя вести как ИНТЕР, они бы себя так и вели. И единство позиции собственника и журналистов было видно как раз на ИНТЕРЕ, где такую а не иную позицию его журналисты пронесли через весь Майдан. До 21 февраля 2014 года, когда они выступили с заявлением, когда уже просто нельзя было не выступить.

Сейчас у нас есть свобода слова?

Сейчас есть свобода слова, есть внешний плюрализм, потому что есть достаточное количество площадок, где можно критиковать всех. В том числе и Порошенко: есть Громадське, есть на Первом Национальном программы журналистских расследований, финансируемые западными донорами. Но есть жесткая цензура собственников, и есть отсутствие критики именно лично Порошенко на всех центральных телеканалах. Они против него не выступают. Есть информационные телеканалы как Newsone, или 112, где может быть и такая критика, но в очень мягком и ограниченном объеме, но это касается только личности самого Порошенко. **[Серых кардиналов БПП]** Кононенко, Грабовского и других могут жестко песочить и на 112 и Newsone. На центральных каналах – кроме как на УТ-1, в том числе и через состояние с созданием общественного вещателя, намного меньше расследований, касающихся Порошенко и близких к нему людей.

Вы хотите сказать, что мы должны радоваться тому, что у нас есть Newsone, «Вести», 17-й канал?

112-й канал становится намного лучше, Newsone постольку поскольку. 17-й канал не столько критикуют Порошенко, сколько протягивают пророссийские вещи, общаются с Донбассом, а «Вести» это сплошные манипуляции. На Newsone и 112 наши мониторинги показывают, что они дают информацию более-мене сбалансированно. Там есть свой постоянный круг экспертов, Мураев тот же **[формальный собственник канала, реально принадлежащего беглым представителям команды Януковича]**, но они его балансируют. На Newsone подобным образом, но там, как понимаю, есть тоже договоренности с властью и определенный контроль АП над ними осуществляет. На 17 канале и в «Вестях» договорняков с властью нет, во всяком случае пока, и там много манипуляций. «Вести» тоже надо разделять: на радио «Вести» лучше, в газете – жуть. А есть еще страна.юа **[главредом является Игорь Гужва, основатель холдинга «Вести»]**, где тоже жуть. Благодарить нельзя, потому что они

манипулируют, у них нет конструктивной и неманипулятивной критики. Вот в чем проблема. То, что критиковать президента на центральных телеканалах невозможно, это плохо. С другой стороны, я как гражданин своей страны, понимаю, что если к тем СМИ которые могут его критиковать, к тому огромному количеству журналистских расследований, которые есть, на той же «Украинской правде», сейчас добавится жесткая критика на основных каналах, то эту страну можно было бы уже похоронить. Потому что во время войны должно быть хоть какое-то доверие людей к власти. Нельзя возбуждать в обществе ненависть к власти во время войны. На чем сыграл Ленин? Чтобы сделать врагом не Германию, а царя. Если сейчас сделать главным врагом не Россию, а Порошенко, мы не победим. Как это не печально, я – на самом деле – за самоцензуру. Порошенко критиковать нужно, но критика должна быть конструктивной, не должна быть «враздрызг». А тем более к такой критике, к какой прибегают нередко Дима Гнап или Сережа Лещенко. Мы, когда даем информацию, мы ее сто раз перепроверяем. Сережа выходит и говорит: «По моей информации...». Я такого не понимаю.

Будет ли еще один Майдан?

Сейчас, думаю, нет. Невзирая на то, что бы не происходило, может из-за того что украинцы долго запрягают, они себя ведут более умно чем часть элиты, которая в борьбе с коррупцией готова погубить и государство. Общество понимает приоритеты, а это противодействие внешнему агрессору. Всем понятно, что если произойдет третий Майдан, это чревато утратой государственности. Поэтому в ближайшее время не будет.